

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

НОЖЕВАЯ АТАКА

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Ножевая атака

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Ножевая атака / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2022 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-164875-6

Увлекательные детективы о послевоенном времени. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции. Послевоенный Псков. В ходе массовой драки убит нападающий футбольного клуба «Труд» Аркадий Зацепин. Подозреваемый, которого задержали по горячим следам, оказался не причастен к преступлению. Начальник оперативного отдела Павел Зверев уверен: драка была затеяна специально, чтобы убить футболиста, и причиной тому – совсем не спорт. Но кто и зачем организовал эту расправу? Сыщик изучает биографию Зацепина и находит ошеломляющие подробности его военного прошлого, после чего известный форвард предстает в глазах следствия совсем другим человеком... Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164875-6

© Шарапов В. Г., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерий Георгиевич Шарапов

Ножевая атака

© Шарапов В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

г. Псков, послевоенные годы...

Об убийстве полузащитника смоленского клуба «Труд» Аркадия Зацепина начальник псковской милиции узнал одним из первых. Случилось это потому, что по соседству с Корневым этажом ниже проживал со своей женой Алевтиной тренер местного футбольного клуба «Спартак» Егор Митрофанович Лопатин – высокий сухопарый мужик шестидесяти трех лет.

Егор Митрофанович называл себя коренным ленинградцем, точнее, петербуржцем, и чрезмерно гордился этим, так как имел на это полное право. Он родился в городе на Неве, да еще при старом режиме, участвовал в штурме Зимнего, воевал в Гражданскую, пережил блокаду и только после этого вместе с женой перебрался в послевоенный и полуразрушенный Псков. Так и не дождавшись с войны обоих сыновей, погибших при освобождении Кракова и Варшавы, Лопатин потускнел, осунулся и стал год от года превращаться в живой ходячий скелет. Именно смерть сыновей, а если говорить точнее, не сама смерть, а две сложенные треугольным конвертиком бумажки – две «похоронки» сыграли свою отрицательную роль в жизни Лопатина и изменили его, можно сказать, до неузнаваемости.

Этим вечером Корневу не спалось. Он просидел в кресле, читая книгу, до глубокой ночи, а когда улегся в кровать, в его дверь кто-то довольно громко постучал. Корнев вздрогнул и тут же занервничал. Неужели случилось что-то серьезное и прибыл посыльный из управления?

Степан Ефимович накинул халат, сунул ноги в шлепанцы и подошел к двери. Увидев на пороге соседа, Корнев выругался:

– Ну сколько можно, Митрофаныч? Опять глаза залил?

– Только собираюсь, – угрюмо ответил незванный гость.

Когда-то рослый и подтянутый Лопатин, игравший в начале двадцатых правым полузащитником в составе «Меркура», являвшегося действующим чемпионом и обладателем Кубка Петрограда, сегодня, мягко говоря, довольно мало походил на заслуженного деятеля спорта. Сутулая спина, осунувшееся дряблелое лицо, покрытое морщинами, и отечные белесые глаза стали последствием чрезмерных возлияний, которым в последнее время был подвержен Егор Митрофанович. Любовь к бутылке, равно как и потеря сыновей, пошатнули здоровье Лопатина и за последние несколько лет практически превратили его в самого обычного доходягу. Добела поседевшие волосы, торчащие в разные стороны, и дрожащие руки дополняли этот образ, равно как и облачение некогда именитого футболиста. На Лопатине были надеты вытянутая майка, спортивные штаны с вытянутыми коленками и пиджак. У потрепанных тапок, в которые гость был обут, висела бахрома из перетершихся ниток, а на правой тапке на месте большого пальца еще и зияла дыра размером с целковый. Бывало, что Лопатин не пил по полгода, пропадая с утра до ночи на стадионе. Там он нещадно гонял своих подопечных и заставлял их пахать до седьмого пота. Но если уж Егор Митрофанович «понюхал пробку» – то все, пиши пропало.

Указав на боковой карман пиджака гостя, который тот придерживал рукой и из которого торчало закупоренное свернутой бумагой горлышко бутылки, Корнев сдвинул брови и строго спросил:

– Опять свою вонючую самогонку принес? Говорил же тебе, не буду я с тобой пить! Язва у меня!

– Не ругайся, Ефимыч! Не хочешь пить – не пей! Мне же выпить, ну... просто необходимо! Беда у меня случилась, товарищ полковник! Да...

– Ну и чего же случилось, что ты ко мне за полночь явился? – пряча рукой зевоту, поинтересовался Корнев.

– Да уж случилось!

– Ну, заходи, раз такое дело, – Корнев впустил гостя в дом и тут же почувствовал едкий запах сивухи. – Опять с Алевтиной своей поцапался?

– Да нет, сосед. Тут не в бабе дело. Тут все гораздо серьезнее. – Шлепая тапками, Лопатин прошел на кухню, взял с полки граненый стакан, достал из кармана бутылку и откупорил ее зубами. Наполнив стакан доверху, мужчина маленькими глотками выпил его содержимое, утер ладонью губы и уселся на табурет.

– Понимаешь, тут такое дело... – Лопатин чихнул, утер нос рукавом и уставился на Корнева своими белесыми глазами. – Дело тут такое... тьфу ты, зараза! Короче, такое дело... Одним словом, только ты мне сейчас помочь можешь, Степан Ефимыч!

Корнев взял второй табурет и уселся напротив гостя.

– Давай уже по сути, а то спать пора!

– Хорошо! Давай по сути! Два часа тому назад архаровцы твои Шамана моего повязали. Брови Корнева сдвинулись еще сильнее.

– И чего же он натворил на этот раз?

– В том-то и дело, что ничего! Просто, как это обычно бывает, попал в струю. А теперь ни мне, ни ему уже не отвертеться. Ваши мне сказали, что на этот раз уж точно Мишку моего упекут... и упекут на долгий срок. Сто тридцать шестая... червонец моему парню светит, так-то! – Лопатин икнул. – А без Мишки... плакали все мои надежды на победу в очередном чемпионате!

– Червонец, говоришь! Он что, убил кого-то?

– Так в том-то и дело, что не убивал, а только все теперь на него думают! Да вот ты послушай...

пятью часами ранее в Летнем саду...

В двух кварталах от стадиона «Локомотив», где несколько часов назад состоялся товарищеский матч двух футбольных команд – смоленского клуба «Труд» и псковского «Спартак», в самом центре Летнего сада находился парк аттракционов. Возле него располагалась огороженная сеткой-рабицей площадка, поросшая кустами и деревьями, утыканная верандами, увитыми плющом.

Парк радовал посетителей своими аллеями, гипсовыми фигурами, здесь когда-то располагался народный театр, вмещавший до полутора тысяч зрителей. В девятисотом году сюда приезжал со своей труппой великий Дуров, здесь же во все времена играли военные оркестры, певцы и фокусники радовали посетителей своими умениями за символическую плату в несколько копеек. В годы оккупации арки и гипсовые фигуры почти полностью были разрушены, однако в послевоенные годы парк начал оживать и постепенно вновь обрел свою прежнюю красоту и привлекательность. Сейчас здесь, в самом центре парка возле аттракционов, поставили танцевальную площадку, где по вечерам обычно собиралась молодежь. Сегодня здесь, посреди разросшихся зарослей сирени и маньчжурского ореха, было особенно многолюдно. Из старого репродуктора звучала музыка, пары кружились, стремясь не задеть друг друга: парни и молодые мужчины в широких брюках и рубашках с распахнутым воротом; девицы и женщины в ситцевых платьях, блузках и юбках из ярких набивных тканей, шифона, крепдешина и креп-жоржета, в шляпках и беретах, с разноцветными лентами и бантами в волосах. На деревьях по всем трем просматриваемым сторонам танцплощадки, как нахохлившиеся воробьи, уселись коротко стриженные мальчишки, которых по причине их малолетства не удосужилась пустить внутрь пожилая билетерша в строгом сиреновом жакете и в роговых очках.

Обычно мужчины здесь были нарасхват, и девушки, которым не хватало кавалеров, объединялись в пары и без всякого стеснения танцевали друг с другом. Однако именно этим вечером нехватки кавалеров на танцплощадке не наблюдалось. Помимо завсегдатаев из числа местных ребят сегодня танцплощадку наполнили два с лишним десятка рослых и подтянутых парней из числа столкнувшихся на поле стадиона «Локомотив» футболистов из спортивного смоленского клуба «Труд» и местного «Спартак». В упорной борьбе на поле псковичане проиграли со счетом четыре – пять, оттого многие спартаковцы, явившиеся сегодня в Летний сад, недобро поглядывали на своих бывших противников, держались вместе и перешептывались. Гости же вели себя менее сдержанно, непрерывно болтали, шутили и беспрерывно кружили местных девчонок в вальсах и фокстротах, украдкой попивали пиво и громко смеялись.

Отдельную группу составляли несколько расхлябанных местных парней, сгрудившихся напротив выхода и стоявших в самой неосвещенной части площадки. Самому старшему из них на вид было не больше двадцати, и он, в отличие от своих приятелей, выглядел более опрятным. Время от времени этот парень подходил к державшимся особняком футболистам псковского «Спартак».

Как уже упоминалось, на вид ему было около двадцати. Высокого роста, крепкий и плечистый; своими габаритами он не уступал большинству «спартаковцев», несмотря на то что большинство из них были на вид гораздо старше его по возрасту. Чернявый, кареглазый и стройный – этот симпатичный и статный паренек в широких крепдешиновых брюках с подтяжками и в серой кепке-букле на первый взгляд вел себя легко и непринужденно. При этом он то и дело обменивался взглядом со стоящей в окружении нескольких девиц зеленоглазой девушкой в фиалковом платье в стиле свинг. О девушке, на которую то и дело бросал смелые взгляды кареглазый, пожалуй, следует сказать особо.

Красные туфельки «Мери Джей» на высоком каблучке, пурпурный бант в волосах – сказать, что она была красивой, значит не сказать ничего. Пышные светлые волосы, спадающие на плечи, зеленые глаза, горящие дерзким чарующим огоньком, пухлые губы и выгнутые коромыслом брови были способны свести с ума любого, даже самого изощренного ценителя женской красоты. Большинство представителей сильного пола, стоящих на площадке, смотрели на эту девушку украдкой, однако наш кареглазый не относился к их числу. Он время от времени кивал зеленоглазой красавице, что-то показывал жестах и улыбался. Однако улыбка тут же исчезла с лица кареглазого парня, как только он увидел среди всей этой стоящей, шумящей и вальсирующей толпы еще одного дерзкого смельчака, который тоже откровенно пожирал взглядом красотку в фиалковом платье а-ля свинг.

Это был высокий шатен с пышными, чуть выющимися волосами, зачесанными назад; в светлом костюме и начищенных до блеска туфлях-оксфордах. Лет тридцати, широкие скулы, высокий лоб. Голубоглазый уже давно сверлил взглядом светловолосую красавицу в платье а-ля свинг.

Все, кто побывал на сегодняшнем футбольном матче, не могли не знать этого голубоглазого красавца, считавшегося лучшим бомбардиром смоленского клуба «Труд». Юрий Липницкий, игравший под номером «десять» и забивший в ворота псковской команды целых три мяча, явился в Летний сад одним из последних и сегодня еще ни разу не вошел в круг и так никого и не пригласил на танец. Многие из присутствующих давно уже поняли, почему он это делает. Липницкий определенно выбирал удачный момент, чтобы пригласить на танец зеленоглазую красавицу, с которой он все это время не сводил глаз. Как только кареглазый парень с «розой» на руке увидел, как Липницкий смотрит на девушку, он тоже все понял, тут же подошел к девушке, взял ее за руку и чуть ли не силком отвел в сторону.

Состоялся разговор. Эти двое явно ссорились. Как только девушка высвободила руку, она тут же что-то тихо процедила насевшему на нее парню, после чего отвернулась и вновь

присоединилась к своим непрерывно наблюдавшим подругам. Тут-то Липницкий и вступил в игру. Он подошел к девушке, склонил голову и в очередной раз улыбнулся ей:

– Простите, я уже давно за вами наблюдаю, горю желанием к вам подойти, но решился только сейчас. Как я заметил, вы еще ни разу не входили в круг танцующих. Вы не танцуете вообще или просто пока не нашли себе достойного партнера?

Девушка смерила Липницкого оценивающим взглядом.

– Вы предлагаете в качестве партнера себя?

– А почему бы и нет? Не бойтесь, ноги вам я не отдавлю!

Девушка улыбнулась:

– Сегодня я была на игре! Это ведь, кажется, благодаря вам все наши футболисты ходят мрачными и скрипят зубами?

Липницкий расправил плечи:

– О, боже! Такая красавица, да еще и разбирается в футболе?

– Я не разбираюсь в футболе! В нем разбирается один мой хороший знакомый!

– Уж не о том ли юноше идет речь, – с некоторой долей надменности поинтересовался Липницкий, – который только что хватал вас за руки?

Девушка перевела взгляд на стоявших в сторонке местных парней, встретила холодный взгляд своего дружка и снова повернулась к Липницкому.

– Все местные хулиганы называют его Шаманом! Здешние ребята не отличаются кротостью и смирением и просто боготворят нашего Мишаню! Именно поэтому я вам настоятельно не советую его злить!

– Как мне помнится, он тоже играет в «Спартаке», именно он сегодня тоже забил три гола в наши ворота...

– И забил бы больше, если бы один из ваших не сбил его с ног!

Липницкий громко рассмеялся:

– И после этого вы говорите, что не разбираетесь в футболе? А впрочем, довольно! Давайте уже познакомимся, в конце-то концов. Меня зовут Юрий.

Липницкий протянул руку, девушка ответила на рукопожатие.

– Меня зовут Олеся! Олеся Купревич! А моего приятеля зовут Михаил Ярушкин. Но, как я уже говорила, многие зовут его Шаманом, в первую очередь его дружки.

– Они тоже спортсмены?

– Обычная дворовая шпана.

– Получается, что ваш друг общается и с футболистами, и с местными хулиганами?

– Все так и есть. И повторяю вам еще раз: не стоит его недооценивать. Он хорош не только в футболе, но и как рыба в воде чувствует себя в любой потасовке и любит пускать в ход кулаки. Вы ведь, разумеется, видели, что он сегодня учинил на поле...

В глазах Липницкого сверкнули гневные огоньки.

– Я взрослый мужчина. Я воевал, а ваш Шаман, или как его там, еще совсем мальчишка. Впрочем, как и все его дружки.

Глаза Купревич сузились.

– Ну... раз вы такой смелый, тогда идemте танцевать. И не забудьте про свое обещание.

– Какое обещание?

– Не отдавить мне ноги.

Липницкий рассмеялся, протянул девушке руку, и вскоре они уже кружились под ласкающую слух мелодию Севастопольского вальса.

Часть первая

Шаман

Глава первая

Когда Корнев позвонил Звереву и попросил того зайти к нему в кабинет, Павел Васильевич дописывал квартальный отчет. Выслушав просьбу начальника псковской милиции, Зверев сказал лишь:

– Угу...

После чего дописал страницу, убрал бумагу в сейф, запер его на ключ и поднялся на второй этаж. Войдя в приемную, он на ходу послал воздушный поцелуй хорошенькой секретарше Корнева Леночке Спицыной и положил ей на стол конфету «Гулливер».

– Чего этому ворчуну опять от меня понадобилось? – поинтересовался Зверев, на что Леночка лишь пожала плечами, добавив вполголоса:

– Там у него Кравцов и еще какой-то мужик...

– Что за мужик?

Леночка сморщила свой хорошенький носик и все так же шепотом заявила:

– Такие обычно возле пивнушки ошиваются.

Зверев беззвучно рассмеялся и без стука вошел в кабинет начальника милиции.

Корнев сидел в своем кресле мрачный и явно невыспавшийся. По левую руку от полковника сидел старший следователь Виктор Константинович Кравцов, хмурый седеющий мужчина средних лет. Напротив Кравцова, скрючившись, сидел Егор Митрофанович Лопатин, попахивающий перегаром и с красным одутловатым лицом. На этот раз на тренере псковского «Спартак» был надет относительно сносный коричневый костюм, ворот полосатой рубашки был стянут засаленным галстуком темно-бордового цвета, узел которого был сильно перетянут.

– Познакомься, Паша! Это некогда известный спортсмен, а ныне тренер нашего прославленного «Спартак»... – указав на Лопатина, заявил Корнев, но Зверев не дал ему договорить:

– А по совместительству твой сосед!

– Что? – Корнев дернулся. – А ты откуда его знаешь? Ты же у нас вроде не болельщик.

– Я его не знаю, и я действительно не болельщик, однако знаю, что вы с ним соседи.

– Но откуда? Я вроде тебя с ним не знакомил!

Зверев фыркнул и уселся за стол напротив Лопатина.

– Видел его как-то в тапочках и майке, он лежал на лавочке возле твоего подъезда. Данный товарищ мирно спал, обнимая бутылку «Агдама» и храпя так, что его храп я услышал сразу же, как только вошел во двор! Отсюда я сделал вывод, что если данный гражданин имеет привычку отдыхать на лавке возле твоего подъезда, обутом в тапки, значит, явно он живет где-то поблизости, а значит, является твоим соседом. Ладно, говори, чего звал, да я обедать пойду.

Корнев хмыкнул, строго посмотрел на Лопатина, сутулый тренер виновато потупился и опустил голову. Степан Ефимович покачал головой и нервно продолжил:

– Ну что ж, в сообразительности тебе, Пал Василич, не откажешь, а теперь перейдем к делу. Тебе, очевидно, уже известно, что вчера в Летнем саду возле танцплощадки случилась массовая драка?

– Известно. Там еще футболиста подрезали, вроде как насмерть. У кравцовского кабинета целая толпа собралась. – Зверев подошел к стоящему у стены дивану и бесцеремонно на нем развалился.

Корнев кивнул Кравцову и продолжал:

– Ты прав, Виктор Константинович уже занимается этим делом, поэтому я и попросил его рассказать нам, что там да как.

Кравцов тяжело вздохнул и довольно резко начал:

– Сразу скажу, что мне с этим делом уже все в принципе ясно, и я не понимаю, зачем отрывать Павла Васильевича от дел, но раз вы так решили, товарищ полковник...

– Витя, давай без лишней болтовни, говорю же, я жрать хочу. Время обеда, а я сегодня еще не завтракал, – отрезал Зверев.

– Без лишних так без лишних, – проворчал Кравцов. – Одним словом, вчера к нам в дежурную часть позвонила женщина и сообщила о массовой драке с поножовщиной. Когда группа приехала на место происшествия, нас уже встречали местный участковый и несколько постовых сотрудников местного райотдела, они-то нам и сообщили, что в кустах, на месте, где произошло побоище, обнаружен труп. Убитый – футболист из Смоленска Аркадий Зацепин. Причина смерти – ножевое ранение в области спины! Уголовное дело уже заведено, и сегодня утром я уже опросил большую часть свидетелей. Главный подозреваемый Михаил Ярушкин, игрок местного «Спартак», спустя пару часов после драки был задержан в своей квартире и доставлен в КПЗ. Очевидцы показали, что это он затеял драку возле танцплощадки. Обнаруженный на месте преступления нож со следами крови потерпевшего доставлен в лабораторию. Думаю, в ближайшее время наши криминалисты нам о нем что-нибудь сообщат.

Кравцов посмотрел на Лопатина, тот тут же оживился:

– Простите, товарищи, но произошла чудовищная ошибка. Мишка же... он ни в чем не виноват. Это только на первый взгляд он хулиган и драчун, а на самом деле он очень хороший парень...

– Хорошие парни тоже иногда убивают людей. Если для этого у них появляется повод, – заявил Кравцов и поправил очки, однако Лопатин продолжал стоять на своем.

– А еще мой Мишка очень талантливый! Он у нас в команде самый молодой, но играет как заведенный. Он лучший нападающий нашего клуба. Да что там клуба? Мишка – лучший нападающий города, а то и области! Я уверен, что спустя год-другой он выведет наш «Спартак» в следующую группу...

– Боюсь, что следующий год-другой, а также третий и четвертый, и еще несколько последующих... ваш мальчик проведет за решеткой! – заявил Кравцов. – Лично мне по этому делу все предельно ясно...

– А началось-то все с чего? – уточнил Зверев.

– Накануне днем на стадионе «Локомотив» состоялся товарищеский матч между псковским «Спартаком» и смоленским клубом «Труд». Спартакотцы уступили с разницей в один гол. Ярушкин забил три мяча в ворота соперника и, как считают многие, мог бы забить и больше! Однако вышло так, что, когда Ярушкин в очередной раз пошел в атаку, его ударили по ногам. И сделал это не кто иной, как Аркадий Зацепин.

– Это тот, которого нашли мертвым?

– Да. Так вот, Ярушкин, упав возле самой штрафной, тут же вскочил и набросился на Зацепина с кулаками. Ярушкин был удален с поля, а в сторону ворот смолян был назначен пенальти. Штрафной удар выполнял второй нападающий «Спартак» Трофимов, однако он не смог отличиться и угодил в штангу! В результате псковская команда проиграла со счетом четыре – пять! Большинство болельщиков и игроков считают, что, если бы Ярушкин остался на поле, итог игры был бы другим. Ярушкин, по словам очевидцев, сильно рассердился и на Трофимова, не сумевшего реализовать штрафной, и на судью, который удалил его с поля за некорректное поведение, и наверняка затаил нешуточную обиду на Зацепина, ударившего его по ногам, так что мотив для убийства у него был. Вечером после игры вся смоленская команда отправилась на танцы в Летний сад. Туда же явились и игроки нашего «Спартак». В результате чего Ярушкин затеял драку с одним из смоленских футболистов. К их поединку подключились

сначала дружки Ярушкина, а потом и все футболисты обеих команд. Когда драка переросла в настоящее побоище, в ходе общей неразберихи под шумок Ярушкин выждал удобный момент и ударил Зацепина ножом.

Лопатин тут же замахал руками.

– Да что вы такое несете, молодой человек? Какой еще такой мотив? Какое там – «под шумок»? Все же было совсем не так...

– И нож, конечно же, тоже не его? – не без ехидства спросил Кравцов.

– Нож – его! Я этого и не отрицаю. Более того, нож этот в свое время я подарил Шаману.

– Ну вот! – оживился Кравцов. – Значит, у нас уже не три, а четыре свидетеля...

– Каких еще три свидетеля?

Кравцов повернулся к Корневу.

– Опросив нескольких игроков «Спартака», участвующих в драке, удалось выяснить, что обнаруженный на месте убийства нож принадлежит Михаилу Ярушкину! Три человека опознали нож как принадлежавший Ярушкину. Получается, что наш гость уже четвертый.

Лопатин вскочил.

– Я против Мишки давать показания не буду!

– Дело ваше. Трех свидетелей нам вполне хватит.

Лопатин не унимался:

– То, что нож действительно Мишкин – это факт. Но он еще ничего не доказывает.

Кравцов покачал головой, потом встал, подошел к столу Корнева, схватил с его стола телефонную трубку и набрал номер:

– Леонид Валерьевич?.. Ты?.. Есть что по вчерашней поножовщине?.. Так... – выслушав собеседника, Кравцов явно оживился, повесил трубку и вернулся на свое место. – Я только что позвонил в лабораторию и разговаривал с нашим экспертом. Он подтверждает, что обнаруженные на найденном ноже капли крови той же группы, что и у убитого Зацепина, а отпечатки на ноже совпадают с отпечатками пальцев Ярушкина.

– Да как же так? – Лопатин плюхнулся на стул.

Кравцов весь сиял:

– Что тут еще рассуждать? Я прекрасно понимаю, что вы не хотите терять перспективного игрока, тем не менее все еще его выгораживаете.

Брови Лопатина сдвинулись еще сильнее, щеки покраснели еще сильнее:

– Мишка никого не убивал!

– Да почему вы так в этом уверены?

– Мишка Шаман не просто мой лучший игрок, он мне как сын! Я разговаривал с ним, перед тем как его арестовали!

– И что с того?

– А то, что он заменил мне погибших сыновей, я же заменил ему отца и мать, тоже погибших в блокадном Ленинграде. У нас с Мишкой Шаманом не было друг от друга секретов. И если бы он действительно убил этого Зацепина, он бы мне об этом сказал. Вам – нет, мне – да! Вам бы он мог соврать, мне же никогда! – Лопатин выпрямился и грохнул по столу кулаком. – Мишка никого не убивал – и точка!

Лопатин тяжело встал, скривил лицо и, ухватившись за грудь, пошатнулся.

– Егор Митрофанович, ты чего? Может, врача? – Корнев тут же вскочил и шагнул было к Лопатину, но тот остановил полковника рукой.

– Сиди уже! Не нужно мне врача.

Лопатин отодвинул стол, расправил плечи, сквозь прищуренные глаза еще раз посмотрел на Кравцова, потом повернулся к Корневу и хрипло произнес:

– Эх! Ну спасибо тебе, Степан Ефимыч... за все спасибо, соседка! А я ведь на тебя надеялся... – В этот момент Лопатин как-то странно преобразился, расправил плечи, вскинул

голову и выпятил вперед нижнюю челюсть, и Звереву показалось, что беспробудный пьяница и доходяга исчез и перед ними снова стоял великий спортсмен, чемпион Кубка Петрограда и преданный своему делу заслуженный тренер.

Когда Лопатин, громко хлопнув дверью, вышел из кабинета, Корнев прокашлялся, потом покачал головой и хотел что-то сказать, но Зверев его опередил:

– Я все, конечно, понимаю, Степа, твой сосед хоть и пьяница, но человек уважаемый и заслуженный. Но и заслуженному человеку нельзя убийц выгораживать! С этим делом вроде как все ясно. Нож, кровь, отпечатки пальцев, показания свидетелей...

– Да знаю я это! Знаю и все понимаю, но вот okazия какая, – Корнев снова закашлялся, но тут же продолжил: – Знаю я нашего Митрофановича уже много лет, он хоть с виду мужик и неказистый, но человек честный и правильный. Если он говорит, что верит парню, значит, так оно и есть. Одним словом, точку в этом деле мы поставить всегда успеем. Поэтому ты, Паша, ступай с Виктором Константиновичем, подключись к этому делу и разберись, что там и как! Если Ярушкин Зацепина убил, значит, пойдет под суд, а если нет...

Корнев снова закашлялся.

– Если простыл, так иди в медчасть...

– Да погоди ты...

Зверев фыркнул и встал с дивана.

– Ладно, не нуди. Пошли, что ли, Витек, послушаем, что там твои футболисты скажут, раз уж нашему руководителю его сосед так дорог.

Зверев поманил за собой Кравцова, и они вышли из кабинета.

Глава вторая

Дав Корневу обещание разобраться в деле, Зверев особо не спешил. Он сходил в заводскую столовую, пообедал, съев два вторых и выпив два стакана клюквенного киселя. Потом посидел в курилке, выкурив пару сигарет, в компании с архивариусом управления Эмилией Эдуардовной Сониной, художавой пятидесятилетней женщиной с огромными фиалковыми глазами. Эмилия Эдуардовна, завидев Зверева в курилке, тут же принялась рассказывать ему сюжет только что вышедшего на экраны фильма про подводников под названием «В мирные дни». Особо Эмилия Эдуардовна восхищалась прекрасной работой режиссера фильма, равно как и прекрасной игрой молодых актеров Тихонова и Юматова. Терпеливо выслушав описание первой половины сюжета, Зверев извинился и покинул Эмилию Эдуардовну, пообещав непременно вернуться к обсуждению данного фильма в ближайшее время.

После этого Зверев направился в лабораторию и взял у криминалиста Лени Мокришина тот самый нож, который был обнаружен на месте преступления. Завернув нож в газету, Зверев явился к Кравцову. Когда Павел Васильевич вошел в кабинет следователя, тот уже беседовал с очередным свидетелем.

Перед Кравцовым сидел светловолосый молодой мужчина с пристальным взглядом и волевым подбородком, на правой щеке у него был свежий кровоподтек. Отличная выправка незнакомца тут же бросилась Звереву в глаза. Наверняка воевал. Но не в пехоте, а где?.. Для танкиста высоковат, скорее всего – летчик или моряк. На вид собеседнику Кравцова было чуть больше тридцати. Лицо самое обычное: красавцем не назовешь, но именно таких женщины обычно больше всего желают видеть рядом с собой по вечерам, рожать от них детей и при первой же возможности затаскивают в ЗАГС. Уверенный в себе, подтянутый и надежный как скала.

Зверев, который обычно не был склонен к сантиментам и не привыкший церемониться, с ходу не стал вмешиваться в разговор. Он подошел к столу, выдвинул верхний ящик и положил туда завернутый в газету нож. После этого Павел Васильевич молча сел на стул справа от пока еще не знакомого ему свидетеля вчерашнего убийства.

Кравцов, которому явно не понравилось то, что Зверев так вольготно чувствует себя в его кабинете, покачал головой и, повернувшись к светловолосому, задал ему очередной вопрос:

– Значит, вы утверждаете, что инициатором драки был именно ваш игрок, а вовсе не Ярушкин?

Мужчина пожал плечами:

– Ну, это как посмотреть! Просто наш Юрка личность своеобразная. Вы же его видели – красавчик, ни дать ни взять. Себя считает неотразимым, и если уж ему кто приглянется...

И тут Павел Васильевич решил вступить в игру:

– Простите, а Юрка – это кто?

Светловолосый глянул на Зверева и тут же вопросительно посмотрел на Кравцова.

– Это майор Зверев. Начальник оперативного отдела. Это наше местное светило. Гений сыска, так сказать, – не без сарказма сообщил Кравцов. – Прошу вас, если он будет задавать вам вопросы, пожалуйста, отвечайте.

Зверев скорчил рожу Кравцову и тут же насел на свидетеля.

– Вы уж простите меня, товарищ! Но давайте уж все по порядку и сначала. Если я правильно понял, вы игрок клуба «Труд»?

Светловолосый еще раз посмотрел на следователя, тот что-то буркнул себе под нос, встал и отошел к окну. Зверев тут же поднялся и занял место за столом.

– Совершенно верно! Карасев Василий Васильевич, игрок смоленского клуба «Труд». Проживаю в Смоленске, не судим... не привлекался... что там еще нужно в таких случаях говорить? – усмехнулся Карасев.

– Воевали? – прищурившись, поинтересовался Зверев.

– Нет!

– Тогда хотя бы служили?

– Не воевал и не служил!

Зверев напрягся. Выправка собеседника очень уж походила на военную. «Это надо же так ошибиться! Видимо, старею», – подумал Зверев.

– Работаете?

– Работаю!

– Кем?

– Экспедитором на хлебозаводе. А то, что не служил... Сами же понимаете, хороших спортсменов не всегда брали на фронт...

– Не брали. Если, конечно, они сами туда не стремились.

– Вы меня за это осуждаете?

– Никоим образом. Итак, давайте вернемся к вашему Юрке!

– Юра Липницкий! Наш главный бомбардир! Три гола, между прочим, забил!

– А вы сколько-нибудь забили?

Карасев снова взглянул на Кравцова, тот продолжал смотреть в окно, словно происходящее его не касалось.

– Я забил два! Я же говорил, что я хороший игрок...

– Вы нападающий?

– Правый полузащитник. Я часто подключаюсь к атаке, и, как видите, не зря! – с гордостью поведал Карасев.

– Хорошо! С голами мы разобрались, теперь перейдем к главному. Если я правильно понял, вы утверждаете, что драку затеял ваш нападающий Липницкий?

Карасев тихонько рассмеялся.

– Он ее спровоцировал.

Зверев подался вперед.

– Поясните.

– Все произошло из-за того, что Юрка стал в открытую флиртовать с той хорошенькой местной девицей.

– Значит, драка произошла из-за девушки?

– Эта девчонка, надо сказать, очень даже ничего. Липницкий сразу на нее глаз положил. Ярушкин, как только это понял, тут же к девушке подскочил, после чего, похоже, они поругались.

– Ярушкин и девица?

– Ну да! Ярушкин от девушки отошел, а Юрик наш тут как тут, здравствуйте пожалуйста, к ней тут же подкатил, они о чем-то поговорили, а потом танцевать пошли.

– А вы при этом за ними все время наблюдали?

– Так интересно же!

– Хорошо, продолжайте.

– Ну потанцевали они, девица вроде бы как на место хотела пойти, а Юрка ее удержал – что-то на ухо шепчет, улыбается. Тут уже Ярушкин этого не выдержал, подошел к Липницкому и что-то сказал...

– Что сказал?

– Этого я не знаю, но определенно не прическу его стал нахваливать. Когда эти «петушки» к выходу пошли, я сразу понял, что сейчас заварушка будет.

– И из любопытства направились следом?

Карасев пожал плечами.

– Я вам так скажу, товарищ майор, мне наш Юрка Липницкий как человек не особо симпатичен, но мы ведь все-таки одна команда. А команда своих в беде не бросает. Когда мы увидели, что вслед за Ярушкиным все его дружки потянулись, то тоже к выходу пошли.

– А кто конкретно? Назовите фамилии!

– Рузов, оба Черенковы, Лебедев, Михальченко, да все! Вся наша команда побежала. Местные футболисты, поняв, что что-то назревает, тоже повалили в лесок. А ведь Жбан нас предупреждал. После того как местные продули, можем и нарваться. Как в воду смотрел.

– Жбан – это ваш тренер? – уточнил Зверев.

– Он! Жбанов Александр Александрович, мы его в лицо Сан Санычем зовем, а за глаза Жбаном. Хотя бывает и не за глаза. Он не обижается, нормальный мужик. Так вот я и говорю. У выхода давка, билетерша орет, я когда на месте оказался, Липницкий с Ярушкиным уже дрались.

Зверев вынул из стола завернутый в газету нож.

– Вы видели в руках у Ярушкина вот этот нож?

– Лично я ножа не видел. Ни этого, ни какого другого. Они дрались один на один, как говорится, все честь по чести. И молодой этот, надо сказать, умело кулаками махал, но куда ему с Юркой Липницким тягаться. Тот ведь, кроме всего прочего, еще и перворазрядник по боксу. Так вот, повозился с ним Юрка и поймал на встречный. Ярушкин рухнул как подкошенный, а эти щеглы тут же на Юрку набросились.

– Кто набросился? Вы, я так полагаю, сейчас имеете в виду не одноклубников Ярушкина, а местную шпану.

– Их, кого же еще! Мы, когда эти сопляки Липницкого повалили, уж ждать ничего не стали, налетели на местных, а вслед за нами и спартаковцы включились. Кто-то разнимать пытался, а кто-то тут же стал кулаками махать. Короче, такая свистопляска пошла, что не сразу разберешь, кто за кого и с кем. – Карасев усмехнулся и потрогал отекающую скулу. – Их по двое-трое на каждого нашего приходилось, и вот он – результат.

Зверев изобразил, что понимает, и задал очередной вопрос:

– Скажите, а после того как Липницкий упал, он тут же встал или остался лежать?

– Не знаю, когда началась драка, я смотрел только на тех, кто стоял передо мной. Сами же, наверное, представляете, как это бывает.

– Полагаю, спрашивать у вас, видели ли вы, с кем непосредственно дрался Зацепин, не имеет смысла? Он точно в драке участвовал?

– Участвовал. А вот кто против него стоял... Тут уж извините, темно было.

Поблагодарив Карасева, Зверев попрощался с ним и попросил Кравцова пригласить следующего свидетеля. Им оказался вратарь смоленской команды. Не меньше метра девяносто, чернявый и сухопарый, Андрей Геннадьевич Михальченко вошел в кабинет и занял место, где только что сидел Карасев. Этому в драке досталось определенно больше. Под левым глазом у мужчины красовался огромный синяк. Правая рука была загипсована и висела на лямке.

Так же, как и полузащитник Карасев, вратарь смолян тоже не понравился Звереву. Дерганый и всем недовольный, он с ходу начал возмущаться:

– Ну наконец-то, а то сижу у вас тут уже второй час, а у меня, между прочим, рука сломана! Да-да! – Михальченко приподнял руку, демонстрируя свеженаложенный гипс. – Сначала эти уроды меня поломали, а теперь еще и вы надо мной измываетесь! Допросы, расспросы, следственные эксперименты! Юрка Липницкий в своем стиле! Охмурил малолетку, а нам всем из-за него отдуваться пришлось! Я сам бы в драку ни за что не полез, если бы не Димка Кобзин! Это он у нас задиристый, а я нет. «Пошли, говорит, там сейчас такое начнется!» А что начнется? Мне уже тридцать семь, у меня жена и два сына. В детстве я, конечно, тоже любил

кулаками помахать, а сейчас все эти выяснения отношений мне до смерти не нужны. Димка меня и на танцы эти затащил, он же, гад, меня и в кусты потащил, а я, дурак, и пошел. Лучше бы я в гостинице остался да книжку почитал, нужны мне были эти танцы, а теперь вот, – Михальченко снова принялся демонстрировать загипсованную руку. – Сколько времени кость срастаться будет? Минимум месяц! А что это значит? Я ни играть теперь, ни работать не смогу. А все из-за чего? Из-за того, что Юрочка наш куколку смазливую решил окрутить. Чтоб ему пусто было! Лучше бы его одного местные отметили, а так всем досталось. Ой... Не хотел ведь я на эти танцульки идти! Так ведь пошел!

Зверев, которому уже надоело верещание собеседника, указал на лежавший на столе Корнева нож:

– Вы видели в руках Ярушкина вот этот нож?

– Да ничего я не видел. Какой-то нож был. Все о нем говорят.

– А кто конкретно говорит?

– Да наши все. Раз Зацепина порезали, значит, был нож. Говорят, что местные нож опознали, он якобы Ярушкину принадлежит. А раз его нож, стало быть, он убил! Какие тут сомнения!

Зверев поморщился, посмотрел на Кравцова, на этот раз тот внимательно слушал показания свидетеля и с недовольным видом качал головой.

– Ну свои суждения вы изложили, а уж выводы, извините, мы сами будем делать, – сказал Зверев. – Тем не менее ножа в руках Ярушкина вы не видели, и именно так будет записано в протоколе!

– Видел, не видел! Да я всего-то и помню, как Кобзин меня за рукав потащил, я вырвал руку, и тут бах! Удар – и «свет» погас. Очнулся от боли уже на земле, потому что мне кто-то ботинком на руку наступил. Я руками голову прикрыл, а меня ногами и дубьем колотят. Вот же сволочи...

Зверев сухо поблагодарил Михальченко за сведения, пожелал выздоровления и попросил пригласить следующего.

Очередной свидетель оказался тем самым Дмитрием Борисовичем Кобзиным, который, по словам Михальченко, уговорил его пойти в Летний сад на танцы и едва ли не силком пригласил к участию в драке. Низкорослый, но довольно крепкий, Кобзин походил на обычного деревенского парня. Поломанный нос и уже зарубцевавшийся шрам на правой брови подтверждали слова Михальченко о том, что этот коротконогий крепыш настоящий задира и драчун.

В отличие от двух первых футболистов «Труда» Кобзин понравился Звереву. Он все время шутил и вел себя так, словно его пригласили не на допрос, а на праздничное застолье. В отличие от двух первых свидетелей Кобзин не имел видимых увечий и следов на лице и на теле, если, конечно, не считать разбитых костяшек на обеих кулаках. Однако, так же как и прочие, центральный защитник смолян также подтвердил то, что Ярушкин в драке вел себя честно и никакого ножа у него не было. Когда Зверев задал свои вопросы еще двум защитникам клуба «Труд», братьям Черенковым – Максиму и Всеволоду, пообщался с двумя нападающими, Иваном Величко и Андреем Рузовым, он в очередной раз услышал то, что никто из смоленских футболистов ножа ни у Ярушкина, ни у кого-либо другого не видел. На «десерт» Зверев оставил уже изрядно утомленного Липницкого, который уже не меньше двух часов сидел в коридоре.

Перед тем как приступить к допросу Липницкого, он спросил у Кравцова:

– С чего вы вообще взяли, что у Ярушкина был нож, если все смоленские футболисты это не подтверждают?

– Нож опознали двое из десяти опрошенных игроков местного «Спартака», а также подружка Ярушкина, Олеся Купревич, – ответил следователь. – Всех их я опросил в первую очередь и уже отпустил.

– А что говорят местные, которые участвовали в драке?

– А местных еще самих нужно найти! Когда эта свора услышала милицейские свистки, вся кодла разбежалась в разные стороны. Участковые, конечно, уже опрашивают билетершу и местных девчонок, но те никого пока что не назвали. Говорят, что ни имен, ни фамилий дружков Ярушкина, участвовавших в баталии, они не знают. К тому же я уверен, даже если эти парнишки и отыщутся, они будут отрицать свое участие в драке, а может, даже и свое знакомство с Ярушкиным. Что уж тут говорить про нож?

Зверев наморщил лоб и достал из кармана пачку сигарет.

– С этим трудно не согласиться! – сказал он, закурил и сам вышел в коридор, чтобы пригласить последнего томившегося в ожидании свидетеля.

* * *

Когда Липницкий вошел в кабинет Кравцова, он выглядел совершенно не так, как вчерашним вечером на танцплощадке в Летнем саду. Вся его уверенность и бравада куда-то исчезли, и на этот раз «десятый номер» смоленского клуба казался угрюмым и опустошенным. Голова лучшего нападающего смоленского клуба была перевязана бинтами, под левым глазом красовался огромный синяк, правая бровь была заклеена пластырем. Поздоровавшись, он уселся на предложенный ему стул и в течение всей беседы почти не смотрел ни на Кравцова, который сидел за столом и что-то записывал по ходу разговора, ни на Зверева, который тоже пересел на соседний стул и задавал вопросы свидетелю.

– Извините, что пришлось так долго ждать, я постараюсь вас надолго не задерживать, – начал Зверев разговор. – Итак, давайте начнем с главного вопроса: кто же все-таки затеял драку?

– Ну уж, конечно, не я. У меня и в мыслях не было выяснять отношения с этим молодкосом!

– А девушка? Купревич, могу я узнать детали вашего с нею общения?

– Что девушка? Подошел, пригласил, она согласилась. Что в этом такого?

– Многие ваши товарищи по команде считают, что вы чуть ли не нарочно провоцировали Ярушкина...

– Вот еще! Считают они! Если они действительно винят меня в смерти Аркаши Зацепина, то пусть скажут мне это в лицо. А то наушничают и несут всякую чушь! Если бы девчонка не захотела идти со мной, она бы не пошла.

– То есть вы хотите сказать, что никто из членов вашего клуба не предъявил вам свои претензии из-за случившегося инцидента?

Липницкий фыркнул и впервые посмотрел на Зверева.

– Почему же не предъявил? Предъявил!

– И кто же?

– Жбан. Орал на меня так, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули, пока я вопли его слушал! «Я же говорил... зачем вы вообще туда пошли...» Он и про то, что из-за меня Аркашу убили, тоже кричал, да чего там говорить? – Липницкий махнул рукой и снова отвернулся.

– А в каких отношениях вы были с убитым?

– В каких отношениях? Да ни в каких. Играли вместе, не более того.

– А с другими членами вашей команды... Ну с кем из ваших одноклубников вы общаетесь? Дружите.

Липницкий пожал плечами:

– Да со всеми понемногу. Сказать, что есть кто-то, кто мне особо близок, я не могу.

– Хорошо! Теперь давайте перейдем непосредственно к ссоре! Когда к вам подошел Ярушкин, что он вам сказал?

Липницкий хмыкнул и потрогал заклеенную пластырем бровь.

– Что он мог еще сказать? Сказал, что это его девчонка, и потребовал, чтобы я отвалил.

– А вы?

– Что я? Послал его к черту.

– А он?

– Пригласил прогуляться в лесок.

– И вы так сразу пошли, прекрасно понимая, что дружки Ярушкина последуют за вами?

Или вы думали, что они не пойдут?

– Вот еще! Конечно, я знал, что пойдут.

– И вы не испугались?

– У меня разряд по боксу. С дворовой шпаной я обычно справляюсь на раз-два. Двух-трех я бы вырубил без труда, – хвастливо заявил Липницкий. – Откуда ж мне знать, что они такой толпой явятся. Да еще с кольями и ножами...

– То есть ваши противники были вооружены палками и ножами?

– Так ясное дело, были вооружены. Раз Аркашу порезали, значит, были и ножи!

Зверев встал, подошел к столу и достал из верхнего ящика нож.

– А теперь главный вопрос. В ходе драки вы видели в руках Ярушкина этот нож?

Липницкий мельком глянул на нож и снова отвернулся.

– Нет, не видел.

– Может быть, вы видели его у кого-то другого из участников драки?

Липницкий помотал головой.

– В таком случае вы можете идти!

Липницкий встал и вышел из кабинета, а Зверев надел на Кравцова:

– Ну и что у нас получается? Никто из опрошенных не видел ножа ни у Ярушкина, ни у кого-либо другого из числа футболистов «Спартака» и дравшихся на их стороне местных хулиганов. И ты после этого говоришь, что в виновности Ярушкина у тебя нет никакого сомнения?

Кравцов покачал головой и отодвинул на дальний край стола лежавший перед ним нож.

– Да! В виновности Ярушкина у меня нет сомнений. Просто я, помимо этих свидетелей, уже провел большую работу и выяснил, что это нож Ярушкина. Три свидетеля и этот запойный тренер Лопатин ясно дали понять, что нож Ярушкина. Опять же отпечатки...

– Отпечатки на ноже – это, конечно, серьезно!

– Да уж куда серьезнее. И не забывай, что у Ярушкина был мотив!

– Мотив? Ты считаешь, что если тебя сбили с ног, то за это нужно сразу убивать? По моему, ревность гораздо более сильный мотив! Если бы жертвой преступления стал Липницкий, я бы еще подумал, а так...

– Удар по ногам стал причиной поражения команды «Спартака»...

– Если, по-твоему, это достаточное основание для того, чтобы убить человека, то можно подозревать всех членов проигравшей команды. Да и любого из местных болельщиков тоже. Одним словом, Корнев был прав, на этом деле еще рановато ставить точку, – подытожил Зверев.

Глава третья

Вернувшись в свой кабинет, Зверев несколько часов изучал материалы дела: протокол осмотра места преступления, протокол обыска квартиры Ярушкина и заключения экспертов. Особо важной деталью стало то, что, помимо ножевого ранения в спину, явившегося причиной смерти жертвы, у убитого имелся след от пулевого ранения, причем тоже в спине. Это, разумеется, не могло не заинтересовать Зверева. Однако информации о том, откуда взялся этот след, в материалах дела не нашлось. Так как сейчас выяснить биографию убитого не представлялось возможным, Зверев решил заняться ею позже и принялся изучать снимки с места убийства.

На фотографии, сделанной экспертом на месте преступления, были засняты с разных ракурсов место расположения труп, само тело и, конечно же, валявшийся возле тела нож. Разглядывая фото, Зверев мысленно восстанавливал последовательность событий.

Судя по фотографии и описанию, Зацепина убили у беседки в нескольких десятках метров от поляны, где проходила основная драка. Его ударили со стороны спины в кустах, в довольно большом отдалении от фонарного столба, что и объясняло то, что никто из дерущихся не увидел, как произошло убийство. Наверняка на месте убийства была полная темень, так как свет фонаря туда просто не попадал.

Из показаний участников драки никто так и не смог с уверенностью сказать, что в ходе потасовки видел в руках Ярушкина нож. Однако трое сообщили, что видели у Ярушкина обнаруженный на месте преступления нож раньше. Двое из трех давших показания были игроками «Спартака»: полузащитники Макеев и Богомолов, третьим свидетелем, подтвердившим то, что нож принадлежит Ярушкину, стала подруга главного подозреваемого Олеся Купревич – девушка, из-за которой и произошла ссора двух форвардов соперничающих команд. Зверев размышлял. То, что на ноже помимо отпечатков пальцев Ярушкина была обнаружена кровь убитого, абсолютно ничего не доказывало. На фотографии отчетливо просматривалось темное пятно, и именно в этой луже крови нож и лежал. Выходило, что убийца после того как нанес свой подлый удар в спину, тут же бросил орудие преступления на землю и скрылся, оставив на месте такую важную улику.

Почему убийца так поступил? Почему не унес с собой или хотя бы не стер отпечатки пальцев? Не успел? Не догадался? Вывод напрашивался сам собой. Убийца просто испугался и выбросил орудие преступления, точно оно жгло ему руки. Тогда почему же в показаниях проводивших арест Ярушкина милиционеров говорилось, что в момент задержания форвард «Спартака» был спокоен, сопротивления не оказал и принял свой арест как должное. Ну что ж, чтобы ответить на все эти вопросы, нужно было понять, что за человек этот Ярушкин, подытожил Зверев. Отодвинув от себя материалы дела, Павел Васильевич закурил, потом позвонил дежурному и распорядился доставить к нему подозреваемого.

Когда Ярушкина привели в кабинет, Зверев, попыхивая сигаретой, указал парню на стул. Мишка сел и угрюмо уставился в распахнутое окно. Многочисленные синяки, разбитая губа – главный подозреваемый мало чем отличался от опрошенных Зверевым накануне футболистов клуба «Труд».

– Курить хочешь? – Павел Васильевич протянул парню пачку.

– Не курю. Я же спортсмен, – Мишка говорил тихо, и в его тоне Зверев не ощущал ни обиды, ни злости. В глазах парня Зверев увидел какую-то безграничную тоску и уныние угнетенного нападшими на него невзгодами человека. Мишка то и дело хрустел костяшками пальцев, сглатывал и ежился точно от холода; «рассеченная нижняя губа, покрытая коркой запекшейся крови, делала парня похожим на надутую утенка.

– Если спортсмен, чего же ведешь себя так неспортивно?

– Что вы имеете в виду?

– Ты зачем во время матча Зацепину по физиономии съездил?

Мишка дернулся, и Зверев впервые увидел в глазах парня недобрые огоньки.

– А вы знаете, что он сделал? Видели, как он меня подковал?

– Не было меня там, и ничего я не видел! – осадил парня Зверев.

– Вот именно, что не видели! А вот если бы видели... Так по щиколотке врезал, что искры из глаз брызнули. К тому же, если бы не эта подножка, я наверняка бы еще не один гол забил, и мы бы не проиграли.

Парень насупился и, сцепив кисти в замок, снова щелкнул костяшками пальцев.

– Почему тебя Шаманом зовут? – продолжил расспрашивать Зверев.

Мишка усмехнулся и, расцепив руки, почесал подбородок.

– Да все потому же. Из-за характера моего...

– И какой же у тебя характер?

– Вспыльчивый!

– И что с того?

– Это с легкой руки Митрофаныха меня Шаманом звать стали, – Мишка попытался улыбнуться, но тут же скривился и коснулся пальцами рассеченной губы. – Я тогда, помнится, тоже по ногам получил и сразу же на обидчика с кулаками полез – только это на тренировке было. Ну Митрофаныха тут же на поле выбежал, оттащил меня и говорит: «Ты чего же это делаешь, дурья башка? Чуть что, сразу в «бубен» бьешь!» Ребята наши заржали, и с тех самых пор стал я для всех Мишка Шаман.

Зверев понимающе кивнул и загасил в пепельнице сигарету, взял из лежавшей перед ним папки листок и прочел выдержку из дела Мишки.

– Михаил Ярушкин... тридцатого года рождения... уроженец города Великие Луки... С детских лет отличался непослушанием и вспыльчивостью. Исключен из пионеров за драку... Ого! А в школе-то из-за чего дрался?

– А мало ли из-за чего мальчишки дерутся?

Вспомнив свое шальное детство, детский дом на Интернациональной и постоянные стычки со «старшаками», Зверев невольно улыбнулся.

Этот парень чем-то напомнил Звереву его самого. Только Звереву в свое время повезло, а этот парень вскорости может угодить за решетку за убийство. Зверев отложил папку и задал следующий вопрос:

– А условный срок ты тоже из-за драки получил?

Глаза Ярушкина сверкнули:

– Да так... одному ублюдку челюсть сломал... причем в двух местах. Мне в то время уже восемнадцать исполнилось, мог бы и загреметь, спасибо Митрофановичу – выручил. У него сосед – сам начальник милиции.

Зверев недовольно поморщился:

– Думаешь, он тебя и в этот раз выручит?

Мишка снова опустил голову:

– На этот раз не получится. Тут убийство, а у меня к тому же условный срок. Так что прощай, спорт, прощайте, друзья, ну и Олеська, тоже прощай, она наверняка меня ждать не станет.

– В тот первый раз, когда ты чуть на нары не угодил, тоже из-за нее пострадал?

Мишка промолчал и отвернулся. Зверев продолжил:

– Что же ты на одних и тех же граблях наступаешь? Не мог потерпеть...

Мишка снова оживился и сжал кулаки:

– А чего она с этим вихрастым пошла?

– Ты сейчас о Липницком?

– О ком же еще? Я ведь сразу заметил, как он на мою Олеську зыркает! Ну, подошел к ней, предложил уйти, а она ни в какую! Чего это я, говорит, уходить должна? Я, говорит, танцевать хочу!

– А ты чего же тогда сам ее не пригласил?

Мишка пожал плечами.

– Да какое там приглашать? Я и так-то танцор никудышный, а тут еще этот Зацепин меня так подковал, что я на ногу до сих пор еле ступаю...

– И за это ты его убил?

На этот раз глаза Мишки сверкнули по-настоящему зло.

– Не убивал я его! Сто раз уже говорил! И дальше говорить буду! Не убивал, и все! Вот только чувствую, что не особо мне мои показания помогут.

– Чего ж так-то?

– А от того, что все против меня. Следователь ваш мне довольно подробно все изложил. В деталях, так сказать. И про нож, и про кровь на нем, и про отпечатки! Так что спета моя песенка. Мне все еще с детства постоянно твердили, что плохо кончу, что рано или поздно... все равно сяду! – Мишка махнул рукой и отвернулся. – Только хоть режьте меня, но буду на своем стоять, потому что не убивал этого смоленского! По морде обидчику дать – это я завсегда, а вот чтобы вот так – исподтишка, да в спину.

– Ну хорошо. Давай представим, что я тебе поверил...

– Поверил, как же?

– Не хами! А то гляньте, расхныкался, как девчонка. Убил – пойдешь в тюрьму! Не убивал – разберемся. Если не соврал, выйдешь отсюда и пойдешь к своей Олеське. Давай-ка расскажи мне в деталях свою версию случившегося...

– Так я же вашему Кравцову и так все рассказал!

– А теперь мне расскажешь!

Мишка слегка оживился:

– Ну хорошо. Играли мы, значит... Счет на табло четыре – четыре, я к штрафной бегу, а тут этот! Удар по ногам, я и вспыхнул как порох. Хрясь ему в нос, он на меня. Ну растащили нас. Фельдшер наш тут же стал Зацепину кровь останавливать, а меня с поля удалили. За то, что Зацепин меня с ног сбил, им пенальти назначили. Трофим стал бить и в штангу попал. Наши после этого совсем скисли, а этот Липницкий еще один гол нам забил. Понятное дело, настроение у меня ноль! До конца игры на скамейке просидел, потом со всеми в душ и домой. А по дороге Олеську встретил, она ведь тоже на игре была. Отругала меня за то, что я с этим Зацепиным сцепился, и сказала, что вечером на танцы собралась. Ох уж мне эти танцы! Олеська ведь у меня красавица, вот к ней всякая шушера и лезет. Если бы не она, не пошел бы я в этот чертов Летний сад, будь он неладен.

– Все понятно, а теперь про нож расскажи.

– Нож этот немецкий, трофейный, мне его Митрофаныч подарил. Он его еще в Первую мировую у какого-то фрица отнял. Больно уж этот нож всем нам нравился, потому-то Лопатин и пообещал подарить нож тому, кто на чемпионате области больше всех голов забьет. Тут уж я расстарался, и нож мне достался.

– А где ты его хранил?

– В сумке вместе с формой!

– Постоянно с собой носил?

– Постоянно.

– Значит, и в день убийства он тоже в сумке лежал?

– Лежал. После игры, когда я домой пришел, сумку разбирать не стал и просто бросил в коридоре. А сам на диван плюхнулся.

– И долго пролежал?

– Долго, до самого вечера. Пробовал книжку почитать, да не смог. В книгу смотрю, а перед глазами то Зацепин этот разбитым носом сипит, то Олеська моя. Как представлю себе, что она там с кем-нибудь другим кружит, так аж в горле ком. Так что долго я лежал, а вечером на эти чертовы танцы поперся.

– Жалеешь теперь, поди, что поперся?

– Вот еще! Если бы не пошел, как бы там оно еще кончилось...

– Ты о чем?

– Да все про Олеську! Вон она как с этим Липницким вальсировала!

– Так ты у нас ревнивец, оказывается.

– И что с того? Олеська – она моя! Чужого мне не надо, но и своего не отдам... – Мишка отвернулся и надул губы, как капризный карапуз.

– А ее мнение на этот счет тебя не интересует?

Мишка еще сильнее надул щеки.

– Да какое там мнение! Она все это специально делает, чтобы меня позлить, вот и крутит хвостом от скуки.

– Ладно, с этим вопросом разобрались. Увидел ты, как твоя зазноба с другим общается, и...

– Подошел, слово за слово, отошли в сторонку, и пошло-поехало, – Мишка принялся тереть виски.

– Голова болит?

– Есть немного. Этот Липницкий мне разок хорошо попал, да и в общей суматохе еще пару раз здорово попало.

– Ну ничего, пройдет. Дальше рассказывай.

– А чего тут рассказывать, помахали кулаками, с ног он меня сбил, а дальше все как с ума посходили. Потом ваши набежали, в свистки свистят, руки всем крутить начали, ну я и свинтил по-быстренькому. Домой пришел, кровь смыл и рубашку постирал. Рубашка вся в крови была, и рукав один оторван. Хотел было в кровать лечь, а тут стук в двери. Открываю, а за дверью Оса стоит. Оса – это Витка Дьячук! Сосед наш из второго подъезда. Сопляк совсем, а среди своих мазу держит так, что мама не горюй! – Мишка беззлочно ухмыльнулся. – Ему еще только тринадцать, но наши старшаки его к себе уже допускают!

– Наши – это твои дружки?

– Ну да. С членами команды своей я, если тренера не считать, не особо близок. А с ребятами из нашего района общаюсь регулярно.

– Ты у них тоже в авторитете?

– Ну да, а что?

– Да так, ничего, продолжай. Пришел к тебе Оса, и что?

– Оса, как я уже сказал, мелкий еще, поэтому его самого и его дружков пока на танцы не пускают. Потому-то они обычно возле танцплощадки на деревьях сидят. Смотрят.

– Это Оса тебе рассказал, что в Летнем саду труп нашли?

– Он. Сказал, что, когда все наши после драки смылись, милиционеры в кустах труп нашли. Убитый, говорит, тот самый смоленский футболист, который меня на поле у «штрафной» подковал. А еще говорит, что возле убитого нож нашли, точно такой же, как мой. Я тогда сразу недоброе почуял. Сунулся в сумку, а ножа-то и нет! – Мишка поежился. – Что тут говорить, испугался. Позвонил Митрофану, рассказал, что да как, а он мне так строго и говорит: «Точно не ты убил?» – «Нет, – говорю, – не я!» После этого он мне велел дома сидеть, пообещал, что придет, да только не успел. Спустя минут десять милиция ко мне явилась. Упаковали меня в «воронок» и сюда привезли. Вот и вся моя история.

Зверев кивнул и снова уткнулся в материалы дела. Спустя несколько минут он убрал документы в папку и сказал:

– Ладно, паря! Пока отдыхай. Проверим мы твои слова и в том, что произошло, разберемся.

Мишка фыркнул.

– Так уж и разберетесь?

– Разберемся, это уж я тебе обещаю. Если не убивал никого, то выйдешь отсюда, а если соврал, то уж не взыщи – хлопочешь по полной. Это я тебе тоже обещаю.

* * *

Вечером, придя домой, Зверев лег в постель чуть раньше обычного и долго не мог уснуть. Он думал о Шамане, Лопатине и почему-то об Эмилии Эдуардовне, которая так настойчиво расхваливала ему фильм про подводников. Когда Зверева наконец-то сморил сон, уже светало.

Звонок будильника заставил его вскочить, и он не сразу понял, что же так бьет ему в мозг. Спазм сжал виски, и Павел Васильевич с трудом заставил себя не застонать. Хлопнув по трезвонящему будильнику ладонью, он поставил чайник и, не дождавшись, когда тот закипит, выключил плиту. Одеся, отметив про себя, что делает это небрежно, без привычных ему трепетности и аккуратности. Он вышел во двор и жадно вдохнул утренний, пока еще не успевший нагреться воздух. Снова почувствовав боль в висках, он решил, что не стоит спешить на работу, к все тем же бумагам и протоколам. Поэтому прежде чем направиться в управление, он решил встретиться еще с одним свидетелем.

Глава четвертая

Центральное почтовое отделение, в котором, по имевшимся у Зверева данным, вот уже несколько лет работала подружка Шамана Олеся Купревич, представляло собой серое одноэтажное сооружение с помятой крышей и решетками на окнах. Когда Зверев подошел к зданию, он увидел, что единственная дверь, ведущая на Главпочтамт, подперта кирпичом, а сам вход наполовину перекрыт стареньким грузовичком, «ЗИС-фургоном», выкрашенным синей краской. Видимо, грузовичок только что привез почту, поэтому у входа скопился народ. Двое помятых мужичков выгружали из фургона какие-то ящики и коробки, один из них держал в зубах папироску, второй постоянно шмыгал носом и что-то жевал. Ни первый, ни второй грузчик, видимо, особо не обращали внимания на то, что несколько человек из числа посетителей уже давно не могут попасть внутрь здания и терпеливо ожидают, когда закончится разгрузка почты. Зверев снова ощутил боль в висках и сказал самому себе, что, наверное, тоже стоит подождать. Однако, когда один из грузчиков поставил возле фургона очередную коробку, сел на нее и закурил, Зверев заскрежетал зубами. Какое-то время он все же постоял на месте, а потом, выждав момент, отодвинул ногой ближайшую коробку, протиснулся между стеной и фургоном и хотел пронырнуть в дверь.

– Куда лезешь? – зарычал первый грузчик, не разжимая зубов, чтобы не выронить папиросу.

Второй грузчик тут же преградил Звереву путь.

– Не лезь! Не видишь, мы работаем?

– Работаете?.. Вы?..

– Слышь, фраер, отвали, а то схлопочешь...

– Схлопочу?.. Я?.. – Зверев беззвучно рассмеялся, при этом он тут же ощутил, что боль, которая все утро так сжимала ему виски, словно испарилась.

– Лучше отойди, а то...

– Что «а то»?.. – Зверев несильно толкнул мужика плечом.

– Да я тя... – мужчина не договорил, потому что Зверев ткнул его в грудь, на этот раз уже основанием ладони. Мужик задержал дыхание, захрипел и отступил.

– Да ты чего? Совсем с ума... – очередная грубая фраза оборвалась на полуслове, потому что Зверев шагнул вперед и наступил грузчику на сапог.

Тот сразу как-то осел, скривился и проскулил:

– Больно же.

– А ты подвинься и пропусти людей, тогда и больно не будет.

– Ладно, – мужик подался назад, Зверев отпустил его ногу.

– Вот и молодец!

Осавив нагловатых работников Главпочтамта, Павел Васильевич почувствовал себя лучше. Он вошел в здание, вслед за ним поспешили все те, кто так долго толпился у дверей. Почувствовав прилив бодрости, Зверев тут же отметил, что боль в висках почти полностью прекратилась. Однако, оказавшись в приемном зале, битком набитом посетителями, Павел Васильевич поморщился. Утро... будний день... Откуда же их всех столько сбежалось?

Не вставая в очередь, Зверев протиснулся к ближайшему окошку и показал удостоверение.

– Я только спросить!

Сзади загалдели, какой-то мужик схватил его за рукав, но, увидав хмурый взгляд и удостоверение, тут же отдернул руку. Старушка, ворвавшаяся вслед за Зверевым и ставшая свидетельницей его противоборства с наглыми грузчиками, тут же его поддержала:

– Не слушай их, сынок, спрашивай, чего хотел.

– Спасибо, мать, – Зверев кивнул бабушке и спросил у работницы почтамта, где ему найти Олесю Купревич. Почтальонша оказалась не столь любезной, что-то пробурчала и указала на служебный вход. Павел Васильевич не стал заострять внимание на бестактности почтальонши, протиснулся сквозь толпу и вошел в указанную дверь. Миновав узкий коридор, он без стука ступил в комнату, на двери которой висела табличка с надписью «Сортировочная».

Оказавшись в комнате, Зверев тут же ослабил галстук и поморщился, так как в помещении было душно и стоял довольно неприятный запах. Здесь пахло вяленой рыбой, копченой колбасой и прогорклым салом; стоявшие у задней стены стеллажи были доверху забиты фанерными ящиками и бандеролями, исписанными химическим карандашом и запечатанными сургучными печатями. Вдоль правой стены прямо на полу лежали стопки газет, журналов и разномастных пакетов и свертков. Несколько облаченных в синие халаты и белые косынки женщин сосредоточенно сортировали отправления и потому не сразу обратили внимание на незваного гостя.

– Могу я увидеть Олесю Купревич? – вежливо поинтересовался Зверев у ближайшей женщины, очкастой толстушки лет сорока пяти.

– Олеська! Тут к тебе еще один кавалер появился! – крикнула женщина, не отрываясь от работы.

Когда Зверев увидел ту, которую искал, он невольно поправил галстук и тут же пожалел о том, что утром как следует не причесался и не сбрызнул себя одеколоном. Опустив глаза, он отметил и то, что его ботинки, вопреки обыкновению, не блестят. Зверев тряхнул головой и отругал себя за лезшие ему в голову мысли. Она же еще совсем девчонка.

Несмотря на то что на девушке была надета синяя униформа и стягивающая волосы косынка, она выглядела просто бесподобно. Высокая, статная, с правильными чертами лица – теперь Звереву стало понятно, отчего Мишка Шаман так сильно убивался, рассуждая о том, будут ли его ждать из тюрьмы, если посадят. Отойдя от весов, на которые Олеся только что поставила ящик, девушка подошла к Звереву.

– Здравствуйте! Я из милиции, – Павел Васильевич показал удостоверение, девушка на него даже не посмотрела.

– Я так понимаю, вы пришли насчет Миши, – сказала Купревич. – Здесь не самое лучшее место для беседы, пойдемте.

Олеся поманила Зверева за собой. Одна из женщин, маркировавшая конверты – кудрявая толстушка средних лет и с выкрашенными басмой волосами, – строго прикрикнула:

– Леська, не особо там любезничай! Видишь, сколько работы?

– Я быстро! – крикнула в ответ Купревич.

После этого они вышли из сортировочной, прошли через два коридора и, миновав запасный выход, оказались во внутреннем дворе.

– Слышали, что она сказала? – девушка развела руками. – Работы действительно много, так что уж извините.

– Я понимаю. Итак, давайте сразу к делу. Скажите, в каких отношениях вы состоите с задержанным Ярушкиным?

– В нормальных! – в голосе девушки послышались гневные нотки. – Мы просто друзья.

– И все?..

– Для меня – да!

– А для Михаила?

– Я думаю, это вам лучше спросить у него самого.

Зверев достал из кармана пачку сигарет.

– Вы не против, если я закурю?

– Вообще-то здесь курение не поощряют. Из-за соображений пожарной безопасности. Тут у нас повсюду бумага, знаете ли, хранится...

– Ваши грузчики, видимо, об этом не знают, – заявил Зверев.

Олеся впервые за все это время улыбнулась.

– Вы правы. И не только грузчики.

– Вас угостить? – Павел Васильевич протянул девушке пачку сигарет, но та замахала руками.

– Нет-нет... что вы?

Зверев закурил.

– Итак! Если я вас правильно понял, Михаил Ярушкин к вам равнодушен. Вы же считаете его просто другом, но при этом все же принимаете его ухаживания. Это не потому ли, что вы считаете себя ему обязанной?

Олеся вздрогнула, ее глаза сузились, а щеки начали краснеть.

– Шаман вам все рассказал? На него это не похоже.

– Что не похоже?

– То, что он про меня мог рассказать... Ну, про Кося этого и все такое...

Зверев начал сердиться.

– Косяи, бабки-ежки... это что еще за русский фольклор?

– Да уж, зря я на него подумала, Мишка, он не такой. Значит, вы сами догадались?

– Я от природы очень догадливый. Да и у вашего Мишки, как у ребенка, все на лице написано, – Зверев отвернулся и выпустил дым.

Олеся усмехнулась:

– Про ребенка – это вы в самую точку попали. Ладно уж, раз он не рассказал, то я расскажу. Я действительно у него в неоплатном долгу, так что раз пришли, слушайте...

примерно за год до описываемых событий...

В тот день она работала на приемке и задержалась дольше обычного. На остановке Олеся простояла не меньше сорока минут, и когда долгожданный автобус наконец-то появился, девушка села на заднее сиденье к окну, благо что народу было немного.

В автобусе пахло гарью, пассажиры возмущались и требовали открыть окна. Когда автобус проехал три остановки, Олеся, равно как и всех ее попутчиков, ждала очередная неприятность – после ипподрома автобус вдруг задымился и встал. Водитель, пожилой усатый мужик в серой кепке и клетчатой рубашке с закатанными рукавами, выругался так, что его слышали все, кто находился в автобусе. После этого водила вышел, поднял капот и, порывшись в двигателе, вернулся в свое кресло и заявил, что автобус дальше не поедет. Пассажиры стали еще больше возмущаться, требовать вернуть деньги, но спустя пять-шесть минут все же организованно покинули автобус и вернулись на остановку пешком. Олеся вышла из автобуса одной из первых и посмотрела на часы.

– Сколько там? – поинтересовалась пожилая женщина в цветастом ситцевом платке, державшая в руках две плетеные корзинки с недозрелыми помидорами.

– Почти десять, – ответила Олеся.

– Что за напасть такая! Следующий автобус не раньше чем через час придет! Если он вообще придет. Придется аж три километра пешеходом топать, – женщина вздохнула и пошла вдоль дороги.

Олеся посмотрела сначала на уходящую женщину, потом на ее корзины и подумала с досадой: «Кому три километра, а кому и все десять!» Ей самой нужно было ехать до конечной, а после нее еще минут пять идти через пустырь. Олеся еще раз посмотрела на часы и решила подождать автобуса. Спустя пару минут большая часть пассажиров последовала за женщиной в цветастом платке, и вскоре на остановке остались лишь сама Олеся, худощавый парень в мешковатых штанах и пожилая пара – очкастый старикан в бежевой панаме и худосочная тетка с рыжими волосами и с гадкой бородавкой на носу. Спустя еще пару минут очкастый поймал попутку, и парочка укатила восвояси, не предложив Олеся составить ей компанию.

Олеся снова посмотрела на часы, потом услышала, как затарахтел мотор, и с надеждой посмотрела на недавно покинутый автобус. Однако автобус тут же развернулся и, чихая и тарахтя, медленно покатил в обратную сторону.

Девушка достала из сумочки кошелек и пересчитала наличность. У нее получилось двенадцать рублей тридцать шесть копеек, и Олеся, вздохнув, убрала деньги и кошелек в сумку. Предыдущий водитель потребовал от пожилой пары «четвертак», и Олеся снова, вздохнув, туго уставилась на опустевшую дорогу.

– У меня есть деньги! – послышался сбоку голос, Олеся повернулась и сморщила носик.

Первое, что ей пришло в голову, когда она наконец-то обратила внимание на сидящего рядом на скамейке парня, было слово «Кощей». Большеголовый, скуластый, узкоплечий, с крючковатым носом и белесыми глазенками, похожими на помутневшие льдинки. Наверняка на несколько лет младше ее, на вид ему было не больше семнадцати, однако всем своим видом он походил на старика. На парне были надеты короткие коричневые брюки и оливкового цвета рубашка с короткими рукавами, обнажавшими его худые, но довольно жилистые руки. Когда парень подсел ближе, Олеся невольно отодвинулась.

– Вам куда ехать? – не унимался тощий незнакомец. – Если вы поймаете попутку, я готов заплатить столько, сколько нужно.

Олеся фыркнула:

– Ловите свою попутку! Я и сама как-нибудь доберусь!

– Надеетесь, что вас довезут бесплатно. Ну да... вы же такая эффектная! – парень снова придвинулся ближе.

Олеся рассердилась:

– Вас-то уж точно никто бесплатно не повезет. Не приближайтесь ко мне! И вообще оставьте меня в покое!

Тощий дернулся, его губы как-то неестественно выгнулись, а в глазах заиграли недобрые огоньки.

– Зачем же вы так. Такая красивая, а грубите.

– Что заслужили, то и получайте. Нечего к девушке приставать...

Парень едко хихикнул и вдруг разом сменил тон:

– А ты ведь, сучка, на Светлой живешь? Я знаю...

– Что?!! – Олесю тут же бросило в жар. Она вскочила, ей хотелось сказать этому наглому сопляку что-то гадкое, но голос ее дрогнул, и она прохрипела: – Откуда ты знаешь, где я живу?

Тощий тоже вскочил, шагнул вперед и, ухватив Олесю за руку, силой усадил ее на скамейку. Девушка снова попыталась встать, но парень ткнул девушку кулаком в живот, и та опять плюхнулась на скамейку.

Он нависал над ней и криво улыбался. Из его рта дурно пахло, а губы нервно подрагивали. Парень мотнул головой, словно стряхивая с волос воду после купанья, и процедил:

– Улица Светлая, дом семь. Работаешь на почте. Живешь с мамой и младшей сестрой. Я много чего про тебя знаю.

По спине пробежал холод, сердце бешено забилося, ноги стали ватными.

– Я сейчас закричу, – тихо прошептала Олеся, но при этом понимала, что даже этого она не сможет сделать. Так страшно ей никогда не было.

– Только попробуй! – процедил сквозь зубы парень, и Олеся почувствовала, как что-то острое уткнулось ей в щеку.

– Что это?

Парень хихикнул и покрутил перед глазами девушки обычную стальную вилку, после чего еще раз ткнул ею в щеку Олесе.

– Пискнешь, сначала сдеру кожу, а потом в глаз воткну.

Девушка почувствовала, как его рука забралась под подол. От него пахло табаком и потом, от прикосновения липких пальцев по спине побежали мурашки. Олеся застонала, парень с поразительной для его худобы силой продолжал ощупывать и мять ее тело. Олеся все же собралась с силами и попыталась вырваться, но острые стальные зубья тут же еще сильнее впились ей в щеку. Она закрыла глаза и заплакала...

Со стороны дороги послышался отдаленный шум приближавшегося автомобиля. Парень дернулся и обернулся. Вне всякого сомнения, в сторону остановки кто-то ехал. Тощий поморщился, потом снова повернулся к девушке и провел по ее щеке липким слюнявым языком. Из-за поворота показался грузовик, и единственное, что в этот момент желала Олеся, чтобы машина остановилась. Она понимала, что должна пересилить свой страх, оттолкнуть насильника от себя и закричать, но упертая в щеку вилка не давала ей это сделать. Когда машина остановилась, насильник тут же спрятал в карман свою вилку. Из кабины выглянул немолодой седовласый шофер с небритым подбородком и с ухмылочкой поинтересовался:

– Чего, молодежь, милуетесь или доехать не на чем?

После того как тощий убрал вилку, Олеся все-таки смогла пересилить себя и прошептала:

– Не на чем! У нас автобус сломался.

Водитель понимающе кивнул.

– Ну раз так, то садитесь в машину, подвезу!

Парень подался вперед и прошептал Олесе в самое ухо:

– Тебе сегодня повезло, дрянь! Поезжай, но я с тобой не прощаюсь! Помни, я все про тебя знаю и наша следующая встреча не за горами. И не вздумай ему ничего говорить.

После этого тощий обнял Олеся за плечи, поцеловал в щеку и подтолкнул к дороге. Олеся быстрым шагом подошла к машине, забралась в кабину.

– А ты чего? – спросил тощего водитель грузовика.

– Я не поеду. Мне в другую сторону, – тощий послал Олесе воздушный поцелуй и сделал это так, словно он и впрямь был влюбленным юношей, провожающим свою девушку. Затем парень нырнул за остановку и скрылся в зарослях сирени.

Пока они ехали, водитель все время что-то рассказывал, отпускал шуточки и даже поведал Олесе про свою первую любовь. Девушка в ответ только кивала, стараясь унять не отпускающую ее дрожь. Он высадил Олеся почти возле ее дома и пожелал удачи. Когда она вошла в квартиру, было уже темно. Мать и сестра уже спали, а Олеся всю ночь проплакала в подушку.

Наутро, так ничего не сказав близким, она с головной болью и красными от слез глазами поехала на работу. На почте Олеся тут же ушла в работу, двое ее коллег отметили ее красные глаза и отпустили несколько едких шуток про якобы помешавшего ей спать кавалера.

Все это время всякий раз она оглядывалась и в любом проходящем мужчине боялась встретить своего недавнего обидчика. Он даже несколько раз снился ей по ночам, и она всякий раз просыпалась в холодном поту и начинала тихо реветь. Теперь она старалась не задерживаться на работе и всегда уходила с Главпочтамта вовремя, чтобы не опаздывать на остановку. Она избегала безлюдных мест и даже обходила пустырь, ведущий от остановки к ее дому, через который до этого она всякий раз шла напрямик. Однако, несмотря на все предосторожности, очередная встреча с тощим все-таки произошла. И произошла там, где она эту встречу даже не могла представить...

В тот день в свой обеденный перерыв Олеся, как обычно, пошла обедать в заводскую столовую, где обедало большинство служащих Главпочтамта. Отстояв очередь и отыскав свободный столик в самом углу большого обеденного зала, Олеся поставила перед собой поднос с рыбным супом и овощным салатом. Когда девушка приступила к первому блюду, она буквально почувствовала чье-то присутствие за спиной. Олеся обернулась и не поверила своим глазам.

Это был он, все в тех же коричневых брюках и рубашке с коротким рукавом, в руках он держал поднос и все так же мерзко скалился.

– Позвольте составить вам компанию, сударыня! – произнес он как ни в чем не бывало, сел напротив и поставил на ее стол поднос с макаронами и шницелем и компотом из сухофруктов. Олеся сидела и смотрела на парня, чувствуя, как ее сердце бешено стучит.

– Что ты тут делаешь? – спросила она шепотом.

– Что за глупый вопрос? Собираюсь обедать.

Олеся окинула глазами зал. Все торопливо поглощали еду, некоторые шутили и негромко смеялись, моложавая толстая повариха с красным лицом наливала суп очередному посетителю. Никому до нее не было дела. Олеся перевела взгляд на собеседника и тихо спросила:

– А ты не боишься, что я закричу и позову милицию?

Парень даже бровью не повел. Он взял лежавшую на его подносе вилку и покрутил ее в пальцах. Олеся сжалась. Здесь, в заводской столовой, всем давали алюминиевые вилки и ложки, но на столе тощего лежала та самая стальная вилка, которой он при их последней встрече тыкал ей в лицо. Олеся сглотнула и продолжала разглядывать этот на первый взгляд такой безобидный столовый прибор, тощий отследил ее взгляд и приглушенно рассмеялся.

– Не боюсь! – парень разломил вилкой котлету и начал ее медленно жевать.

– Но как же...

Он не дал ей договорить:

– Если бы ты хотела обратиться в милицию, то давно бы уже это сделала.

Парень взял с подноса Олеси овощной салат, понюхал его и ковырнул в нем вилкой. Съев часть салата, парень бесцеремонно вернул тарелку на поднос Олеси.

– Не люблю всякую ботву – люблю мясо! – сказал он и снова принялся за свою котлету. – А по поводу «закричу», милиции и всего такого, даже если ты попытаешься что-то сделать, представь, как все это будет выглядеть. – Он изобразил испуг, схватился руками за голову и тонким голосом проверещал: «Спасите, меня убивают...» Да на тебя как на дуру посмотрят.

Его спокойствие и холодный взгляд делали его еще страшней.

– А что, если я расскажу про то, что ты делал на остановке?

– А что я делал на остановке? Даже тот старый пень, что в тот вечер тебя увез, решил, что мы влюбленная парочка. Ты ведь не рассказала ему о том, что случилось... верно?

Олеся набрала в грудь воздух, но промолчала, а тощий все так же безмятежно продолжал:

– Вот видишь! Ничего ты мне не сделаешь, даже если ты начнешь визжать и расскажешь кому-нибудь всю эту чушь, меня могут задержать, но отпустят не позже чем через час. И вот тогда-то я уже не буду с тобой так мил, как сейчас. Догадываешься, что я с тобой тогда сделаю?

– Что?

– А ты догадайся!

Парень доел шницель и рыгнул.

– Что тебе от меня нужно? – совсем уже отчаявшись, спросила Олеся.

– Вот это уже серьезный разговор! Доедай свой салатик, и мы с тобой пойдем прогуляемся. Я знаю одно тихое местечко, где не особолюдно, и ты узнаешь, что мне от тебя нужно.

– Я с тобой не пойду!

Тощий сжал свою вилку так, что пальцы его побелели.

– Пойдешь, сука! Еще как пойдешь. Не забывай, я знаю, где ты живешь, знаю, в какую школу ходит твоя милая сестричка. Она хоть еще и мала, но уже довольно мила... – парень хохотнул. – Если ты не дашь мне то, зачем я сюда пришел, я сделаю так, что мне это даст твоя сестра. А если не даст... Представляешь, как твоя сестра будет смотреться без одного глаза...

Олеся задрожала. О таком исходе дела она даже не думала. Она в ужасе посмотрела на злополучную вилку, ее собеседник встал и шагнул к ней. Когда костлявая жилистая рука легла ей на плечо, тощий вдруг отшатнулся и отлетел в сторону, задев соседний стол. Сидевшая за

столом рыжеволосая женщина в роговых очках взвизгнула и начала чертыхаться. Олеся только сейчас увидела возле их столика высокого чернявого парня в белой футболке и спортивных брюках. Остальные посетители прервали свою трапезу и тоже загудели.

– Ты что творишь, малахольный! – крикнула тощему рыжеволосая.

– Это не он! Это вот тот бедокурит! – крикнула краснолицая повариха и погрозила чернявому парню поварешкой. – А ну сядь на свое место, а то милицию позову!

Парень повернулся к Олеся и тихо сказал:

– Я случайно услышал ваш разговор. Этот человек вам угрожал? – Чернявый указал на обидчика Олеся. – Я правильно понял?

В этот момент тощий шагнул вперед, держа правую руку за спиной. Девушка тихонько взвизгнула, понимая, что сейчас произойдет. Глаза тощего горели безумным огнем, он выбросил вперед правую руку, стремясь ткнуть чернявому незнакомцу в лицо, но тот ловко перехватил ее и крутанул. Послышался щелчок, тощий заголосил, а вилка со звоном ударилась об пол и закатилась под стол. После этого чернявый дважды ударил тощего по лицу.

* * *

– Именно так я и познакомилась с Мишкой Шаманом, – Олеся закончила рассказ и тяжело вздохнула.

– Михаил мне сказал, что в тот день он сломал вашему обидчику челюсть. По большому счету, Мишка оборонялся, но его все равно осудили.

– Получается так.

– И вы что же, никому не объяснили, что произошло на самом деле?

Олеся всхлипнула, ее глаза блеснули:

– Этот ублюдок был прав! В тот день я так испугалась, что в тот момент не могла вымолвить и слова. Когда тот негодяй свалился под стол и заорал, несколько мужчин, не разобравшись, стали крутить Мишке руки, потом работники столовой вызвали дружинников. Я же в это время стояла и не могла сдвинуться с места. Когда Шаману вязали руки и выводили из зала, он никому ничего не сказал, а просто смотрел на меня и, видимо, ожидал, что я за него вступлюсь, но я этого не сделала. Когда я вспоминаю случившееся в тот день, мне всякий раз становится не по себе. Мишку увели, я постояла на месте еще какое-то время и пошла домой. В тот день я проплакала всю ночь, но так и не решилась пойти в милицию и рассказать о том, что произошло. Упавшую под стол вилку никто из очевидцев не видел, так что выходило так, как будто это Шаман затеял драку и покалечил того парня. Потом был суд, на который я даже не пришла, к счастью, Мишка получил условный срок.

Зверев покачал головой.

– Не слишком лицеприятная история...

– Я это понимаю и корю себя за этот подлый поступок, но теперь уже все равно ничего не исправить.

– И что же случилось потом?

– Как-то раз, когда я возвращалась с работы, кто-то окликнул меня. Я обернулась и увидела Мишку. Я очень сильно испугалась, ведь я решила, что он пришел посчитаться со мной. Я снова впала в ступор, но Мишка и не думал причинять мне боль. Он улыбался. Ни слова не сказав о моей трусости, просто предложил проводить меня домой. Пока мы шли, я пришла в себя и все ему рассказала: про тот случай на остановке, про то, что случилось в столовой, и попросила прощения, а он лишь рассмеялся и заявил, что все это ерунда. Однако он сказал, что раз того парня не задержали и он гуляет на свободе, то он снова может попытаться напасть на меня. Мишка предложил мне свою защиту, я согласилась.

Зверев понимающе кивнул:

– А через какое-то время стал за вами ухаживать?

Олеся улыбнулась.

– Поначалу он просто провожал меня домой, потом, когда прошло несколько недель и я успокоилась, мы стали вместе ходить в кино, на танцы... Как раз после того случая мама с сестрой уехали за город к тетке и остались там до конца лета. Так что моей сестре ничто не угрожало, а где-то через полгода я окончательно пришла в себя, потому что узнала, что тощего постигла заслуженная кара.

– Мишка его нашел?

– Нет! Он просто напал на другую девушку. Она оказалась смелее меня и попыталась дать мерзавцу отпор, в результате чего этот негодяй изуродовал ее лицо. Получается, что в какой-то мере девушке досталось по моей вине. Если бы я тогда не испугалась и рассказала правду...

Зверев вспомнил случай, о котором он читал в сводках о происшествиях. Это случилось в Любятного, какой-то подонок подстерег молодую женщину, возвращавшуюся от подруги, напал на нее и пытался изнасиловать.

– Да, я что-то такое припоминаю. Женщина стала кричать, на счастье, мимо проходили местные мужички. Они прибежали на крик, скрутили мерзавца, и он получил семь лет.

Олеся кивнула, достала из кармана платок и, вытерев им лицо, продолжала:

– После этого я перестала вздрагивать от каждого шороха, а Мишка меня по-прежнему охранял.

– И вас стала тяготить его чрезмерная опека? – догадался Зверев.

– Да! – голос девушки вдруг обрел былую твердость. – Я пыталась ему намекнуть, что пора с дружбой кончать, но он не хотел этого понимать. И однажды я осознала, что его забота вдруг превратилась в настоящую ревность – жуткую и устрашающую.

– И Мишка перестал быть «героем вашего романа», – усмехнулся Зверев.

– Он им и не был – героем!

– То есть вам не нравятся герои?

– Почему же, нравятся!

– Тогда чем же вас не устраивает Шаман? Он же вас спас... он же герой.

– Мишка совсем еще ребенок. Его интересуют только игры и детские забавы.

– Вы имеете в виду футбол?

– Не только футбол. А если честно, то мне еще не нравятся его дружки.

– Такие, которые сидят по ночам в подворотнях, поют песни под гитару и пьют портвейн, – подсказал Зверев.

– Да, именно такие. Неужели вы думаете, что они могут нравиться нормальным девушкам?

– Некоторым очень даже нравятся, – усмехнулся Зверев. – Но сейчас не об этом. Расскажите мне все, что знаете о его друзьях.

Олеся наморщила свой хорошенький лобик.

– Не особо много. С его приятелями я вообще не общаюсь. Не люблю блатных.

– Подождите. Если я вас правильно понял, вы ведь с Шаманом примерно одного возраста?

– Так оно и есть.

– Тогда если вы считаете Шамана ребенком, то какие же мужчины нравятся вам?

Олеся как-то неестественно рассмеялась.

– Мне нравятся мужчины постарше, например, такие как вы.

Зверев вздрогнул и удивленно посмотрел на собеседницу. В ее взгляде был вызов, и Павел Васильевич поспешил отшутиться:

– Или как Липницкий?

Олеся рассмеялась, и Зверев в очередной раз отметил, что она очень красива.

– Этот пижон? Ни капельки не нравится.

– А чем же тогда он плох?

– Смазливый, наглый... Считает себя неотразимым, а внутри пустой, как разобранный матрешка.

– Зачем же тогда вы пошли с ним танцевать? Вы ведь знали, что Мишка Шаман этого терпеть не станет.

Олеся вздохнула и пожала плечами.

– До сих пор жалею, что так поступила. Но теперь уже поздно о чем-то жалеть.

Зверев напрягся и снова потянулся за сигаретами.

– Вы сказали, что Мишка общается с блатными. Вы точно никого из них не знаете? Имена... клички...

Олеся поморщилась и вдруг вспомнила:

– Подождите. Кажется, одного действительно знаю, точнее, много о нем слышала. Мишка довольно часто говорил с друзьями про какого-то Алмаза. Насколько я знаю, его так же называют Обрубком.

– Видели его?

– Видела пару раз.

– Где?

– Березовская, четыре. Там он вроде живет и со своими приятелями гузбанит целыми днями.

– Молодой?

– Нет. Он уже взрослый мужчина, а еще он сидел.

– За что?

– Не знаю. Он вроде как бывший вор...

– Почему бывший?

– Не знаю, но Мишка как-то сказал, что он воевал и поэтому вором больше быть не может.

– Ах вон оно что... Ну что ж, это все очень интересно.

Дверь запасного выхода отворилась, и на пороге показалась та самая толстуха, которая просила Олеся не задерживаться.

– Леська!!! Долго тебя ждать? – прокричала женщина, косо поглядывая на Зверева. – Кто за тебя работать будет?

Олеся пожала плечами.

– Извините, мне действительно пора идти.

– Последний вопрос. Как по-вашему, Ярушкин мог убить человека?

– Я абсолютно уверена в том, что он этого не делал.

– Почему вы так в этом уверены?

– Мишка не такой и, даже если бы захотел кого-то убить, никогда не стал бы бить со спины. Уж я это точно знаю.

Глава пятая

До улицы Березовской Зверев добрался на автобусе. Потом зашел в продмаг, купил бутылку «Столичной» и сунул ее во внутренний карман пиджака. Прошел вдоль серых кирпичных домов, все еще носивших следы, оставленные осколками и пулями – эдакое эхо ушедшей войны. Потом перебрался через поросший густыми кустами овражек по деревянному мосточку и вышел к нужным ему домам. Здесь пахло канализацией и дымом. Старенький дворник, видимо, только сейчас решил сжечь оставшийся еще с зимы мусор. Когда Павел Васильевич миновал арку и вышел к дому номер четыре, его взору открылась весьма живописная картина. Посреди двора, между ровненькими рядами развешанного на веревках белья и еще одной мусорной кучей сидели вокруг самодельного фанерного стола сухопарый мужик и с полдюжины ребят, одетых кто во что горазд. Один из парней сидел, зажмурив глаза, еще один в это время щелкал первого по носу скрученной газеткой. На столе валялась разбросанная колода карт. Под столом лежали четыре пустых бутылки из-под портвейна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.